

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ КАК ЗАБОТА О БУДУЩЕМ

В статье рассматривается традиция как процесс и порядок, как преемство и служение, как способ бытия и воспроизводство социального, научного и культурного наследия. Традиция фиксирует устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох.

Через традицию мы выражаем свое отношение к прошлому. Традиция характеризует степень зависимости современного поколения от прошлого или приверженности к нему. Без традиции нет целостного мировоззрения, поскольку именно традиция объясняет древние священные истины на теперешнем языке для теперешних людей. Когда думают о будущем человечества, то рассматривают традиции как тенденции. Тогда начинается переосмысление: что брать в будущее, а что оставить в прошлом.

Эту заботу о том, что оставить в прошлом, а что брать в будущее более всего ощущают философы. В области литературы и естествознания современные российские ученые и писатели стоят вполне на уровне своих западных коллег, иногда даже получают Нобелевские премии. А вот в философии – почему-то не так. Мы, философы, пока не в состоянии говорить с западными философами наравне. Нет, мы можем задавать им вопросы, можем спорить с ними, но вряд ли будем услышаны. Мне неизвестно, чтобы кто-то из крупных западных философов всерьез спорил или соглашался с нами, ссылаясь на русские философские источники. В нас не видят полноправных участников современного общеевропейского философского диалога. Нас отличает разное отношение к современности, к тому, что принято называть модерном и что Юрген Хабермас называет «философским дискурсом о модерне». Можно сказать, что у нас с Западом разные дискурсы. Похоже, в философии мы все еще только ученики немцев, французов, англичан.

Мне представляется, что дело во времени, которое отделяет нас от Запада. Имеется в виду время не хронологическое, а историческое. В науке оно не имеет такого значения, как в философии. Западная философия развивается сегодня под знаком критики и

преодоления модерна, выхода в новое состояние, которое определяется как постмодерн. А вот мы никак не можем попасть пока еще в модерн. Усилий прилагалось и прилагается немало, но какая-то более мощная сила выталкивает нас из модерна. Вот уже триста лет мы модернизируемся, но довести этот процесс до конца никак не можем. Вероятно, сила традиций прошлого довлеет над нами больше, чем над западными коллегами, порождая непонимание.

Чтобы войти в модерн, Европа сохранила римское право, то есть правовое государство, с принципом «частная собственность священна», а затем прошла эпоху Возрождения, Реформации и Просвещения. Это заняло у европейцев примерно пятьсот лет. Мы не прошли в полной мере ни одну из этих эпох, хотя верхний слой общества в какой-то мере трансформация захватывала. Естественно, что в России сложился дискурс не модернистский, а дискурс, имеющий антимодернистскую направленность. Иначе говоря, Россия дрейфует не к Европе, а ей «дан приказ в другую сторону». Если ранние славянофилы – Алексей Хомяков и братья Киреевские – еще пытались разработать русский проект модерна, то «русская идея», как стали называть этот проект, начиная с Николая Данилевского и до евразийцев, перерастает в идею «антимодернизма», ставшего оплотом русского консервативного национализма. Сегодня, по данным социологических опросов, более трех четвертей россиян не считают себя европейцами. Естественно, что власть учитывает настроение масс.

Николай Бердяев считал, что если кого у нас можно отнести к гуманистам Возрождения, то только Александра Пушкина. Вся последующая литература и общественная мысль, начиная с Гоголя и вплоть до Алексея Лосева, негативно относилась к идеям ренессанс-

ного гуманизма. Отношение к протестантству и его этике в русской мысли хорошо известно. Нам устраивают праздники подольше, чтобы меньше трудились, а больше молились. Если критика модерна на Западе ведет к его преодолению, зовет вперед, то русская критика модерна тяготеет к традиционному миру, объединенному единой силой веры и власти, т.е. православием и самодержавием. Ориентированных на Запад интеллигентов у нас не стало, а интеллектуалы в политике – правые консерваторы, националисты и державники. Часть наших интеллектуалов нашла себе кумира в Иване Ильине, который известен тем, что в 1934 году вознес хвалу Гитлеру и нацизму и считал, что геноцид – несущественная мелочь по сравнению с величием нацистского замысла. Таков идеал наших патриотов.

Можно ли считать, что мы семьдесят лет проходили Просвещение, если разрушали храмы, а сейчас их восстановили?

Модерн – это рационализация всех форм жизненного поведения человека. Отказ от европейского пути есть отказ от рынка, демократии, гражданского общества, правового государства. Социологические исследования Юрия Левады показали, что в девяностых годах, как только россияне получили свободу, они по своему поведению стали людьми допетровского времени. Этот откат заметил и Стивен Коэн, который отметил, наша модернизация больше смахивает на демодернизацию, на возврат к Средневековью, проникнутому духом «византизма» в государственной и религиозной жизни.

Такое положение вещей самым непосредственным образом сказалось на философской мысли. Освобождение от господства идеологии в девяностых годах не привело к характерному для модерна духу свободомыслия и индивидуального авторства. Мы наблюдаем обезличенный пересказ избранной темы, в которой трудно заметить авторскую речь. Авторы многочисленных философских учебников перечисляют разные точки зрения, но нет понимания общих целей и задач философского знания. Напротив, крупные философы современности совмещают в себе логику, этику, эстетику, историю философии, философию науки.

Чтобы стать современной, философия на Западе освободилась от власти религии, от своей роли служанки теологии. А у нас за теологические работы будут присуждать кандидатские и докторские степени. Нынешнее увлечение восточными религиями, оккультизмом и магией есть проявление все того же антимодернистского дискурса. Уже легко представить, что в школах и университетах философов заменят проповедники Закона Божьего. Нам предложат окончательное решение проблем познания, воспитание чувства благодарности к властям предрержащим, мазохизм по отношению к телу. С такими идеями к нам уже приезжал итальянский философ Ваттимо, который называет себя последним итальянским коммунистом. В основе человеческого бытия у этого философа культ бескорыстной любви.

Нам нужна более или менее отчетливая демаркация философии с религией и наукой. Современная наука осознала множественность культур и религий. Философия сохраняет за собой функцию культурного самосознания человека, осознания им своего бытия в культуре. В основе такого самосознания лежит акт свободного выбора. Если бы мы в своей культуре полностью зависели от того, что предшествовало нам во времени, то мы бы не отличались от гусениц и бабочек. В культуре, которую мы считаем своей, мы многое берем из прошлого, нельзя быть «Иванами, не помнящими родства», но в нашем прошлом есть что-то такое, от чего следует отказаться, чтобы соответствовать сегодняшнему дню и XXI веку. Все, что существует в культуре по необходимости, – предмет науки, но все то, что предопределено в ней нашей свободой, – предмет философской рефлексии. Философия отвечает не за знание, а за наше бытие в культуре.

Философия – орган самосознания свободного человека. Если религия призвана сделать нас добрыми, а наука – сильными, вооруженными знаниями и технологиями, то сочетаться вместе добро и сила на благо человека могут только в акте свободы человека. Наука и религия стремятся подчинить себе сознание и волю человека, а самосознание свободного человека должно критически отнестись к этим

попыткам. Отношение к философии есть показатель того, насколько индивидуальная свобода стала для данного общества культурной ценностью. Если история страны движется по пути прогресса власти, то народу этой страны философия не нужна.

Интерес к проблеме традиций сегодня определяется, помимо философских забот, тем, что в нестабильную переходную эпоху, переживаемую Россией, особенно много значит не просто большой опыт минувших поколений и не опыт разрешения конкретных проблем в процессе выхода из кризиса. Особую значимость имеет сам факт наличия традиций как таковых.

Вместе с тем понятна ограниченность традиции и традиционных механизмов передачи культуры, особенно в наше время. Ясно, что если мы и найдем в своем социуме традиции разрешения конфликтов, то они могут оказаться совершенно неприменимыми в наше время.

И, тем не менее, в переломные моменты истории традиции и традиционные ценности обретают особый смысл, прежде всего становясь опорой в поисках путей дальнейшего развития общества, государства и человека. Смысл традиций в их нормативно-регулятивной функции проявляется в социальной жизни в том, что они позволяют сохранить не только основу, содержательную наполненность тех конкретных исторических форм жизнедеятельности общества, которые их породили, но и специфические формы собственного существования.

Способны ли традиции и традиционные формы отвечать на вызовы времени? Способны ли они в принципе изменяться и развиваться? Всегда ли традиционный механизм является лучшим выходом из сложившейся ситуации или, возможно, существует механизм решения проблем, более адекватный сегодняшним реалиям? Интересна и проблема «трансформации» традиций к реальной демократии.

Суть нынешней «смуты» в России заключается в отчуждении от русской традиции, а потому ведущей Россию по исторически типичному пути развития. Дело в том, что содержание выбора (свободы) развития общества определяется ценностями, которые задает человеку традиция рода как базовое ус-

ловие надежного и устойчивого жизнепроявления, стремления к установлению социальной справедливости. Быть человеком и народом своей традиции – значит сохранять свою культурную и идеологически-национальную суверенность. Человека надо учить быть народом. Русская традиция – единственный и предельный источник народной силы, ее пассионарной энергии, «мужества быть», которая способна принять на себя все тревоги, заботы и надежды нашего бытия в период «страшных лет России». Именно в традиции россиянин «копит первичное ощущение жизни», находит возможность бороться с безликим глобализмом и космополитизмом, отстаивать национальный оптимизм и патриотизм, противостоять унынию, апатии и призывать народ на сопротивление угрозам своего национального бытия.

Традиции не «следуют», ее не «соблюдают»; в ней человеческий индивид и страна живут в меру своего самопознания и исторических объективных обстоятельств. Русская традиция – это закон социально-духовного развития России – ее истина, путь и жизнь. Действие этого объективного закона создает онтологическую возможность русскому человеку быть самим собой, жить и исторически действовать, как велит ему национальный дух. Национальная история любого народа есть зеркало его традиции.

Укажем на одну архаичную традицию решения проблемы возвращения. Т.А. Бернштам привел пример обряда встречи солдата, когда тот, вернувшись из «другого мира», останавливался в крайней избе и посылал сообщить о себе, после чего его выходили встречать братья, которые вели жену. Воина последовательно «знавали» жена, братья, затем родные. Его, как бы заново родившегося в этой семье, постепенно приобщали к жизни; каждое его действие, каждый шаг, каждое сообщение было ритуальным, восстанавливающим нарушенную целостность бытия [I. С. 140-150].

По определению социолога Георга Зиммеля, «наследование – это физиологическая или экономическая форма того, что в духовной области именуется традицией». Но не следует сводить традицию к наследованию. «Смысл категории «традиция» предполагает,

что человек, наследующий нечто от своих предшественников, делает это *сознательно*. Допустим, что человек получает в наследство дом или угодья земли. Ему должно быть вполне понятно, в чем состоит наследство... Казалось бы, точно так же должно обстоять дело с наследованием, когда речь идет о народе, государстве, духовной общности людей. Однако идея наследования на этом уровне решительно усложняется. Наследование представляет собой получение, присвоение и освоение имеющегося наследия *вне зависимости* от результатов этого присвоения, который может быть и отрицательным. *Традиция – это положительное преемство*, то есть определенный порядок наследования. Смысл традиции в сохранении наследства, в соблюдении мер, чтобы наследство не утратило устойчивых положительных свойств» [2. С. 38].

Философско-методологическое осмысление традиций как сложного, многопланового социального образования позволяет с новой стороны осветить широкий круг явлений общественной жизни, изучаемых гуманитарными и социально-экономическими дисциплинами. В частности, для историков открываются дополнительные возможности в объяснении путей и характера исторического процесса. Для правоведов – объективные системные образования законодательства. Для лингвистов – закономерности развития и функционирования языковых систем.

Всплеск интереса к традиции и феномену традиционности, начавшийся с 60-х годов, намного опередил общественные трансформации. Такое опережение свидетельствовало о пробудившейся потребности найти в прошлом опыте страны некоторые утраченные или не вполне сохраненные смыслообразы, характерные для нашей исторической общности. Эпоха социально-политического «застоя» была в этом смысле эпохой глубокой обеспокоенности своими истоками. Именно в этот период социологи и философы обнаружили неподдельный интерес к культурным традициям прошлого. На исследование традиций делали ставку и партийные идеологи, искавшие интеллектуальные средства выражения советской цивилизационной идентичности. ВАК разрешил тему «советская цивилизация»

для защиты докторских диссертаций. По этой проблематике шла переписка Раисы Максимовны Горбачевой с социологами и философами. В 60-80-е годы И. Сухановым, В. Плаховым, Э. Маркаряном, К. Чистовым, Ф.Б. Садыковым было разработано несколько фундаментальных концепций традиции, достаточно полно раскрывающих содержание этой социально-философской проблемы. Тем не менее, весь этот обширный материал был в 90-е годы подвергнут новым, очень смелым перетолкованиям. В последнее десятилетие проблема традиции и традиционализма решалась различными способами в связи с конкретными религиозными и культурными ценностями и идеалами, с которыми в той или иной мере отождествляли себя исследователи.

Отметим, что в ценностном, содержательном плане традиция аккумулирует в себе некую систему норм, обычаев и мировоззренческих установок, составляющих наиболее значимую часть «классического» наследия данного социума. В функциональном плане традиция выступает посредником между современностью и прошлым, механизмом хранения и передачи образцов, приемов и навыков деятельности (социальных технологий), которые в явочном порядке входят в реальную жизнь людей и не нуждаются в каком-то особом обосновании и признании, кроме ссылки на свою давность и укорененность в культуре.

Возможна недооценка и переоценка традиций. Недооценка традиций в случае столкновения политиков и политических решений с традициями чаще всего оканчивается победой традиции или, во всяком случае, обесцениванием политического решения. Игнорирование традиций приводит политических деятелей к изоляции от населения, а политические партии – к поражению иногда настолько тяжелому, что в кризис попадает вся политическая система.

Переоценка роли традиций, что нередко бывает результатом незнания механизма их появления и развития, толкает политиков и партии к пассивности, застою, фатализму и пренебрежению соблюдением объективных законов функционирования общества. При принятии политического решения возникает необходимость проплыть между Сциллой

игнорирования традиций и Харибдой преувеличения их значения. Вместе с тем следует помнить, что каждая традиция представляет собой множество самых противоречивых тенденций и соотношение между ними меняется в социальном времени и социальном пространстве.

Традиция представляет собой такую разновидность исторического сознания, где прошлое претендует быть прообразом настоящего и даже одним из источников совершенства будущего.

В примитивных, архаических обществах, организованных по принципу «самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме» (К. Маркс), регулирующая роль традиции имеет универсальный масштаб и характер. Именно традиции сохраняли общественные системы архаического общества в течение тысячелетий. В этих обществах традиций было достаточно для «простого воспроизводства» социальной формы во времени. К. Маркс отмечает: «Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных...* отношений отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное*, *объективное*, существующее как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т.д. – в силу чего эта основа с самого начала имеет *ограниченный* характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель» [3. С. 475]. В традиционном обществе система традиций составляет основу общества, и общество рушится с уничтожением этой основы. Затем общество, становясь сложной системой, создает себе основу из идеологий, которая уступает место в саморазвивающейся социальной системе культуре и цивилизации.

Как революционер, Маркс радикально негативно относился к традиционным способам воспроизводства общественных отношений. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (4. С. 119). Логично предположить, что традиции «всех мертвых поколений» входят в состав «коллективного бессознательного» и детерминируют современную жизнь. Есте-

ственно, что в архаической и экономической формациях отношение к традициям различно.

Архаическое или аграрное общество воспроизводится на основе социальной связи, являющейся **личной зависимостью человека от человека**. Коллектив воздействует на жизнь человека через жесткое прикрепление его к социуму, государству, социальному слою, типу деятельности, общественной функции. Попытка индивида выйти за определенные ему рамки жестоко пресекается. Механизмом сохранения структур личной зависимости оказывается внеэкономическое принуждение.

Традиционное общество является характерным выражением социальных связей, основанных на личной зависимости. Традиция – это своеобразная социальная машина, превращающая энергию индивидов в устойчивый социальный стереотип. В традиционном обществе человек обречен выполнять жестко заданные социальные обязательства, играть заранее предписанные роли. Традиция выступает как схема социального воспроизводства. Многие виды творчества, в частности усовершенствование вещей, инструментов, зачастую оказывались противоречащими обычаям, воспринимались как нежелательные и даже опасные. Французский историк Ж. Ле Гофф отмечает, что такого рода отношение к вещам и технике сохранялось вплоть до конца Средневековья. «Не существует, вне всяких сомнений, иной сферы средневековой жизни, нежели техническая, в которой с такой антипрогрессивной силой действовала бы другая черта ментальности: отвращение к «новшествам». Здесь еще в большей мере, чем в прочих сферах, нововведение представлялось чудовищным грехом. Оно подвергало опасности экономическое, социальное и духовное равновесие» [5. С. 188].

Учение о традиции имеет долгую и противоречивую историю. Оно занимает центральное место в этико-политической системе Конфуция. Ритуалы и традиции рассматриваются Конфуцием в качестве основного средства государственного управления. В античной философии учение о традиции воплощается в понятии *этоса* как совокупности нравов и обычаев, с помощью которых осуществляется социальное управление. Греки рассмат-

ривали этос как духовное образование. Прагматичная культура Древнего Рима изменила подход к исследованию обычаев. О них пишут уже не столько в философии, сколько в литературно-историческом, этнографическом аспекте. Это и не удивительно – изменился способ производства. Не случайно, что такой же подход сохранился на многие последующие века и был характерен для Монтеня, Локка, Монтескье, Гельвеция.

В эпоху Великих географических открытий был накоплен обширный полевой материал археологами, антропологами, этнографами. Многие ученые занялись не только сравнительным описанием обычаев и традиций отдельных стран и народов, но приступили к этиологическим изысканиям, в частности И. Баховен, М. МакЛенн, Д. Лебон, Э. Тейлор, Д. Фрээр. Очень скоро традиции становятся предметом внимания различных гуманитарных дисциплин: этнографии, этики, лингвистики, психологии, юриспруденции, искусствоведения, литературоведения. Однако слабая связь наук между собой сдерживает целостный подход к проблеме.

В России вопросы традиции занимали многих известных историков, правоведов, социологов преимущественно позитивистского толка. Среди них – И.Е. Забелин, М.М. Коркунов, Н.И. Костомаров и другие.

Проблемы традиции привлекают к себе внимание Эмиля Дюркгейма и его последователей. Инстинктивно-биологическую интерпретацию получили обычаи в социальном дарвинизме. Зигмунд Фрейд создает психоаналитическую концепцию обычаев. Как особого рода господство наряду с легитимным и харизматическим рассматривает традицию Макс Вебер. Важное место проблема традиции занимает в герменевтике Х.-Г. Гадамера.

Традиции включают в себя: *объекты социокультурного наследия* (материальные и духовные ценности); *процессы социокультурного наследования*; *способы этого наследования*. В качестве традиций выступают определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, обычаи, обряды, стили. Традиция – это всякое явление преемственности во времени, а нередко и в пространстве относительно целостной системы обра-

зов, представлений, воспоминаний, действий и поведения. Как отметил польский философ и социолог Е. Шацкий в фундаментальном труде о традиции, «традицией может стать все – даже антитрадиционализм» [6. С. 31].

Наследием называют объективный факт истории, который может быть лишен всякого эмоционального содержания.

Обычай – это правило, которым человек руководствуется добровольно, не задумываясь, из удобства. Обычай не является чем-то значимым, он близок условности, когда люди ждут, что и другие того же круга будут следовать таким же обычаям. Человек соблюдает обычай как бы безлично, напротив, традиция глубоко интегрирована в личность, а потому традиции являются источником значимости.

Политический опыт, как и традиция, может передаваться. Однако по мере накопления политический опыт изменяется, переосмысливается, а традиции усваиваются стихийно.

Нравы – определяются укоренившимися привычками. К нравам относится мода. Мода близка условности, так как большей частью связана с престижем.

Ритуал служит закреплению традиции, поскольку он обычно воспроизводит наиболее архаические культовые структуры. Передача традиций осуществляется посредством многократного повтора и тиражирования традиционных действий, церемоний и обрядов посредством ритуалов.

Воспоминание и память – явления наиболее близкие традиции. Воспоминание обычно связано с личным участием в событии. Если воспоминание укореняется, а затем передается из поколения в поколение, то может возникнуть традиция. Воспоминание обычно неупорядоченно, а традиции свойственно определенное единство. Связь между воспоминанием и традицией обеспечивает память. Обычно память обозначает форму сохранения и переосмысления прошлого. От традиции следует отличать действие и мышление, навеянные чистым подражанием.

Традиции присутствуют во всех социальных и культурных системах и в известной мере являются необходимым условием их существования. Не случайно, что традиции

рассматривались как закон того или иного сообщества. Пиндар и Геродот, представляя обычай как закон, называют его «царем и повелителем мира». У Софокла обычай «от века установленный закон». Исследования показывают, что в архаических обществах традиция является генетическим и историческим законом развития системы общественных отношений, законом ее функционирования, а также законом регулирования и законом организации и интеграции. Таким образом, традиция представляет собой исторически складывающуюся структуру, имеющую статус общесоциологического закона и реализующуюся в системе общественных отношений архаического общества.

Есть известная парадоксальность в том, что традиция является законом развития общественных отношений. В своей действительной сущности традиция – тот момент, который диалектически противостоит развитию: при всех условиях «традиция» означает «инерцию», «отрицание движения», «покой». В традиции общественное движение «снимает» само себя. Это как бы не закон развития, а закон неразвития, бытие, переходящее в небытие. В традиции воплощается момент устойчивости, инерционности, а тем самым традиция выступает моментом развития, стадий изменений общественных отношений экономической формации, главной характеристикой которой становится развитие. Механизм традиции осуществляется посредством последующего восстановления прошлого в действительном. Иными словами, на каждом новом историческом этапе общественные отношения не только изменяются, развиваются, обновляются, но и сохраняются, воспроизводятся, редуцируются. Таким образом, благодаря традиции происходит воспроизводство, регенерация прошлых общественных отношений в настоящем и будущем. Благодаря этой функции каждое новое поколение имеет возможность перенестись назад, вглубь веков, пережить, что было, переписать историю, а тем самым понять настоящее и прогнозировать будущее.

Каждое поколение, получая в свое распоряжение определенную совокупность традиционных образцов, не просто воспринимает

и усваивает их в готовом виде, оно всегда осуществляет их собственную интерпретацию и выбор. В этом смысле каждое поколение выбирает не только свое будущее, но и прошлое.

В экономических способах производства, которые не могут ограничиться традициями, последние дополняются системой идеологических и рационально-практических средств поддержания и воспроизводства общественной структуры. В таком случае традиция и ее функции ограничиваются символической и вербальной сферами. Там, где общественные регулятивные механизмы приложимы в меньшей степени, там «правят бал» традиции: в этнических отношениях, в семейно-бытовых отношениях. Реакционные режимы используют традиции для манипулирования сознанием. В таком случае происходит обращение к древней символике, обрядности.

Особенностью традиций является то, что они представляют собой форму передачи определенных отношений. Вместе с тем сама эта форма может быть заполнена разнообразным содержанием. На протяжении веков содержание меняется, а форма остается устойчивой. Традиция выступает своеобразной логикой общественных отношений. Сохраняющийся запас представлений, унаследованных от прежних времен, будет витать над живыми как душа народа, как его ментальность. Это готовая форма мироощущения и миропредставления. Это представление об успешной общественной практике, которое в подходящий момент может быть применено. Согласимся с высказыванием, что эти представления как бы «спрессовываются в компактную матрицу и в таком виде... сохраняются на века, воплощая общественную память» [7. С. 103].

Осваивая традицию, человек как индивид принимает определенную личностную форму. Он владеет собой как личностью в рамках той формы, которую ему определила традиция. Он «надевает» на себя личность как одежду, как «личину», как маску, в соответствии с которыми должен выполнять социальные обязательства, играть заранее предписанные роли.

В традиционном обществе личность – по форме может переходить по наследству, может переходить от одного человека к друго-

му. В этом случае традиция как форма социального воспроизводства как бы синтезирует в себе структуры непосредственной зависимости между людьми, индивидуальной самореализации. Образование личности в традиционном обществе связано не с расширением или обновлением знания, а с передачей и усвоением образцов, т.е. форм, обеспечивающих социальное воспроизводство. «Повторение – мать учения», эта сохранившаяся поговорка указывает на характерный способ передачи опыта в традиционном обществе.

Проявляются традиции двумя основными способами: процессом передачи и процессом повторяемости. Передаются ценности, моральные нормы, эмоциональные переживания. Повторение состоит в имитации умерших, в национализме, попытках вернуться к «золотому веку», повальным опасениям «конца света». Традиции возрождают старые страхи и споры.

Чтобы традиция возродилась, она должна быть способной дать ответы на запросы современности. Для этого традицию нужно адаптировать, понять и заново проинтерпретировать. Тем самым, помимо преемственности, традиция есть постоянное изменение ее содержания. Мы слышим голоса умерших, но от нас требуется угадать новый смысл в непредсказуемой истории, в том, что творится на наших глазах. Традиции выполняют роль объяснения и социализации; объяснения прошлого и поддержания мысли о необходимом включении личности в современное общество. Через традицию человек находит свое место в реке времени, он осознает связь с прошлым и уверенно смотрит в будущее.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. закрепила традицию: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы». Американская декларация независимости 1776 г. закрепила свободу и равенство, а также ввела новую традицию: «Общественное призвание есть священный долг. Общество обязано давать пропитание неимущим, как приискивая им работу, так и обеспечивая средства существования лицам, не способным к труду». Там же сказано: «Обес-

печение свободы есть закон». В результате произошло развитие демократической традиции.

Практика показывает, что модернизация идет успешнее там, где считаются с традициями реформируемого общества, а, в свою очередь, традиции сохраняют свою жизненную силу, отвечая на потребности времени и вращаясь в новые формы жизнеустройства, т.е. обновляясь. Крушение той или иной традиции связано не только с осознанием стеснительности ее рамок, но и с открытием новых возможностей и перспектив в развитии.

В философии науки понятие «традиции» используется для интегрального рассмотрения научных направлений и контекста, в которых они возникают и развиваются, для реконструкции развития науки как истории социокультурных ценностей. Отход от односторонне логических моделей научной теории привел к формированию более сложного образа научного знания. Он включает отныне не только логико-математический аппарат, набор идеальных объектов и предложения наблюдения, но и научную картину мира, нормы и идеалы научного знания, философские и общекультурные предпосылки. Тем самым теория понимается не только как индивидуальное и законченное изобретение гения, но скорее как целостный и интересубъективный способ видения мира, форма научной культуры и идеологии, развиваемая поколениями ученых на основе исторического прототипа. Новое понимание структурных единиц научного знания получило название собственно «традиции» (С. Тулмин, Л. Лаудан, П. Фейерабенд), «исследовательские программы» (И. Лакатос), «неявное знание» (М. Полани).

Структуру традиции составляют, если использовать терминологию И. Лакатоса, жесткое ядро (практические схемы, нормы и идеалы исследовательской деятельности и общения) и защитный пояс (набор социокультурных конвенций и предпосылок, официальный этос и идеология науки).

Зрелое общество дает ключ к пониманию общества становящегося, архаического.

Экономическое общество открыло широкое пространство для **кооперации** человеческих усилий, для интенсивного развития вся-

кого рода технологических процессов. Вот что разрушило замкнутое, закрытое средневековое общество, основанное на личной зависимости. Личность становится субъектом, распорядителем собственной энергии, исполнителем различных производственных операций. Традиция как некая слитность социальной и технологической схем расщепляется: технологические схемы отделяются от схем социальных, межчеловеческих. Парижские духи нам разливают в Польше, а японские телевизоры и компьютеры паяют в деревнях Цейлона и Китая. Нам важно качество, а то, что произвел вещи желтый, черный или белый, нам безразлично. Работник становится больше зависим от технологических связей и технологической культуры, а социальные связи начинают проявляться опосредованно. Машины, крупная машинная индустрия образует **предметный слой социальности**, который задает временной ритм человеческой жизни и ее пространственную конфигурацию. Не процесс, а результат становится определяющим условием совместной жизни людей. Успех становится важнее участия как в отношениях между людьми, так и в отношении с природой. Накопленное богатство стремится к инвестированию. Не личная зависимость становится господствующей, а зависимость технологическая, вещная. Традиционное общество уходит в тень.

В настоящее время традиция может быть рассмотрена в трех основных аспектах: традиция как порядок, традиция как процесс, традиция как полнота системы существования той или иной общности.

Традиция как порядок. Традиция определяется в первую очередь как порядок наследования, обеспечивающий посредством определенных правил, обязанностей, мер точное воспроизведение сущности наследуемого, его содержания.

Традиция всегда конкретна – это модель, образец, ценностный, духовно-эмоциональный «стереотип».

Традиция сакральна, ее нельзя нарушать. Рене Генон утверждает: «Все, к чему приложимо название традиции, если не во всех внешних проявлениях, то хотя бы по своей сути, осталось таким же, каким было первоначаль-

но; речь идет о том, что было передано, если можно так сказать, от предыдущего состояния человечества его нынешнему состоянию» [8. С. 320].

Традиция как процесс. Традиция не только есть форма социокультурного наследования, организованная таким образом, чтобы обеспечить адекватное возобновление вложенного в нее содержания, но и сам процесс организованного таким образом наследования.

Традиция – живой корень человеческой культуры. Культура должна быть не только передана, но и преобразована. Инновация представляет собой порядок наследования, при котором наследуемое несет в себе новый смысл и служит новому предназначению. Цель инновации не в возобновлении старого, а в порождении нового содержания и формы. Традиционный и инновационный процессы происходят не изолированно, но проникают друг в друга.

Парадокс подлинной традиции состоит в том, что носители традиции владеют ею и обладают ее богатством только тогда, когда она сама владеет ими. Как только люди начинают высвобождаться из немилой им духовной дисциплины, они выходят из традиционного «шествия» и довольно быстро утрачивают связь с единым иерархическим смыслом. Верно и обратное: сила традиции в том, что ее носители сознают себя членами и выражениями совершенного единства и целостности вопреки всем их глубочайшим личным различиям. Традиция собирает воедино разное содержание и разных людей – различные аспекты, символы и носители традиции по-разному выражают ее единый смысл, тем самым подтверждая его и способствуя его устойчивости.

Полная традиция. Традицию не следует сводить только к определенным символам, образам, ритуалам. Она равновелика всей несущей ее исторической общности, всей культуре. Так понятие традиция включает в себя: мировоззрение, то есть систему представлений, поддерживающих традицию интеллектуально, в том числе идеологически; институты и организации, обеспечивающие последовательный и правильный процесс наследования, а именно: систему воспитания, систему образования, систему рекрутирования и инициа-

ции воспреемников традиции. Полная традиция развернута в традиционном обществе.

Традиция включает в себя не только дух исторической общности, как само человеческое отношение к вещам, как хранение образа жизни, деятельности, поведения, т.е. воспроизводит не только смысл, но и самого человека как носителя смысла. В этом смысле традиция не только уповает на помощь свыше, но и заботится о тех, кто будет о ней, традиции, заботиться в земном, человеческом, социальном смысле.

Современная европейская культура акцентирует внимание либо на позиции создателя стереотипов (семиотике), либо на позиции их толкования, интерпретатора (герменевтике). Современная культура слабо учитывает роль той органической связи, которая возникает между людьми в непосредственном, очном и устном общении. Антитрадиционный характер современной культуры резче всего проявляется в том, что человек в ней идет к человеку не непосредственно, но возводит непроницаемую перегородку, через которую можно только «перестукиваться» (посредством библиотеки или компьютера).

Аналогией традиции является перевод. Но это только модель того, чем в действительности является традиция. То, что было застывшим языком литературного произведения, необходимо превратить в свой собственный язык. Человека надо воспитывать в духе родного языка.

Правильная полная традиция предполагает замкнутость идейной и символической системы. Современное общество утратило связь со своей внутренней священной традицией, утеряло представление о Традиции с большой буквы. Именно поэтому оно и «открыто» для всех традиций, а на самом деле «закрыто» для них.

Традиционное знание по-настоящему доступно только для человека Традиции, то есть для человека, включенного в полную традицию, и уже в гораздо меньшей степени – для археолога, который, пусть даже на очень богатом материале, исследует остатки былой полной традиции. «В истинных традиционных обществах, – говорит Д. Зильберман, – исключительно большое значение придается механизмам запоминания и сохранения актуально важных для группы значений» [9. С. 72–105]. Введение ЕГЭ в образование есть попытка сохранить традиционное общество. Для подтверждения данной мысли сошлемся на то, что современная западная социология, исследуя современные так называемые «традиционные общества» «третьего мира», пришла к выводу, что единственной альтернативой проекта модернизации, предлагаемой передовой цивилизацией, является идеология местного «традиционализма».

Отношение к традиции как к прошлому самым непосредственным образом характеризует нашу заботу о будущем.

Список использованной литературы:

1. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины 19 – начале 20 столетия. Л., 1988.
2. Аверьянов В.В. Традиция как преемственность и служение // Человек. 2000. № 2.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8.
5. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
6. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.
7. Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982.
8. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука, 2000.
9. Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопросы философии. 1996. №4.

Статья рекомендована к публикации 09.03.08